

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сигал К. Я. Метаязыковая установка и синтаксис вторичного текста (на материале стихотворных пародий А. А. Иванова) / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 151—171. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-151-171.

Seagal, K. Ya. (2021). Metalanguage Attitude and Syntax of Secondary Text (Poetic Parodies by A. A. Ivanov). *Nauchnyi dialog*, 6: 151-171. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-151-171. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-151-171

Метаязыковая установка и синтаксис вторичного текста (на материале стихотворных пародий А. А. Иванова)

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук
главный научный сотрудник
заведующий отделом
экспериментальных исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Metalanguage Attitude and Syntax of Secondary Text (Poetic Parodies by A. A. Ivanov)

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology
chief research scientist
Head of the Department
of Experimental Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема метаязыковой установки (в развитие концепции Д. Н. Узнадзе) и специфики реализации метаязыковой установки в пародии как вторичном тексте на синтаксическом уровне. Актуальность исследования состоит в том, что разработка метаязыкового аспекта речевой деятельности в современной лингвистике нуждается в понятии метаязыковой установки. Кроме того, сейчас необходимо выяснить, как метаязыковая установка реализуется в синтаксической организации вторичных текстов конкретного жанра (в данном случае — пародии). Новизна исследования заключается в создании основ общей теории метаязыковой установки, в обосновании включения метаязыковой установки в речевую структуру пародии, в реконструкции элементов творческой работы пародиста над синтаксисом как исходного (первичного), так и своего (вторичного) текста. В качестве материала для исследования взяты стихотворные пародии А. А. Иванова, в которых метаязыковая установка, находящая реализацию в синтаксисе, поставлена на службу жанрово-стилистическим конвенциям пародии, с одной стороны, и эстетическому целеполаганию пародиста, с другой. При анализе стихотворных пародий А. А. Иванова обнаружено, что синтаксическая реализация метаязыковой установки осуществляется на основе принципов, операций и средств. Подробному анализу подвергнуты четыре стихотворные пародии А. А. Иванова.

Ключевые слова:

метаязыковая установка; синтаксис; художественная речь; вторичный текст; пародия; А. А. Иванов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the metalanguage attitude (in the development of the concept of D. N. Uznadze) and the specifics of the implementation of the metalanguage attitude in parody as a secondary text at the syntactic level are considered. The relevance of the research lies in the fact that the development of the metalanguage aspect of speech activity in modern linguistics requires the concept of a metalanguage attitude. In addition, now it is necessary to understand how the metalanguage attitude is realized in the syntactic organization of secondary texts of a particular genre (in this case, parody). The novelty of the research lies in the creation of the general theory of the metalanguage attitude foundations, in substantiating the inclusion of the metalanguage attitude in the speech structure of parody, in the reconstruction of the elements of the parodist's creative work on the syntax of both the original (primary) and his own (secondary) text. The poetic parodies of A. A. Ivanov were taken as material for the study, in which the metalanguage attitude, realized in the syntax, is placed at the service of the genre-stylistic conventions of parody, on the one hand, and the parodist's aesthetic goal-setting, on the other. When analyzing poetic parodies of A. A. Ivanov, it was found that the syntactic realization of the metalanguage attitude is carried out on the basis of principles, operations and means. Four poetic parodies of A. A. Ivanov were subjected to detailed analysis.

Key words:

metalanguage attitude; syntax; artistic speech; secondary text; parody; A. A. Ivanov.

Метаязыковая установка и синтаксис вторичного текста (на материале стихотворных пародий А. А. Иванова)

© Сигал К. Я., 2021

*К 85-летию со дня рождения поэта-пародиста
А. А. Иванова*

Я искренне люблю пародию.
А. А. Иванов

1. Введение

Одной из важнейших особенностей современной лингвистики является пристальное внимание к метаязыковому аспекту речевой деятельности, состоящему в том, что «непосредственным предметом высказываний» выступает «языковой код и его составные элементы» [Якобсон, 1996, с. 21], их структура, семантика и прецеденты употребления. В процессе моделирования метаязыкового аспекта речевой деятельности лингвисты обращаются либо к языку / речи как системе, выделяя особую метаязыковую функцию, «вносящую осознание речевых компонентов и их отношений» [Там же], либо к говорящему / слушающему, осуществляющему метаязыковую рефлексию, то есть «деятельность сознания <...>, направленную на осмысление фактов языка / речи» [Шумарина, 2011, с. 3].

При этом обычно не возникает вопроса о том, благодаря чему метаязыковая функция реализуется применительно к одному и тому же факту языка / речи, запечатленному в неодинаковых жанрово-стилистических контекстах, по-разному (ср., например, наименование синтаксической единицы по ее структурным или семантическим свойствам и ее же имитационно-пародийное употребление), равно как и вопроса о том, что побуждает выводить метаязыковую рефлексию в коммуникацию и особым образом отображать результат одной или нескольких операций ее осуществления в речевой структуре высказывания. Представляется, что, стремясь предложить разумный ответ на оба эти вопроса, лингвист должен быть заинтересован в таком объяснительном инструменте, как понятие «установка» в трактовке Д. Н. Узнадзе, согласно которому установка, идущая от субъекта речи, фиксирована в языке как объективном явлении [Узнадзе, 2001, с. 414].

В настоящей статье выдвигается идея метаязыковой установки как «порождающего начала» [Имедадзе и др., 2014, с. 28], с одной стороны, стимулирующего метаязыковую рефлексия, организующего ее и придающего ей коммуникативную значимость, а с другой стороны, направляющего ее речевую (в данном случае — синтаксическую) объективацию на те или иные принципы, операции (как известно, у Р. О. Якобсона их выделено всего три: парафраза, синонимика, экспликация [Якобсон, 1996, с. 21]) и средства осуществления метаязыковой функции.

Наиболее очевидной метаязыковая установка оказывается при создании одного высказывания на основе и по поводу другого, особенно когда говорящий / пишущий стремится воспроизвести какие-либо языковые / речевые элементы первичного высказывания и намеренно подчеркнуть их имитацию, а возможно, и высмеять их. В подобных, вторичных высказываниях (и целых текстах) метаязыковая установка может быть довольно легко раскрыта как фактор особой реализации не только слов и устойчивых оборотов, но и, например, синтаксических единиц, которые обычно отличаются автоматизмом отбора и — в меньшей степени — употребления. Выяснение роли метаязыковой установки в синтаксисе вторичного текста предпринято в статье на материале пародии. Несмотря на то, что теперь в пародии иногда видят «один из способов, посредством которых происходят нормальные процессы языковой / речевой интеракции (normal processes of linguistic interaction)» [Dentith, 2000, с. 2], нет достаточных оснований для отказа от традиционного понимания пародии как «комического подражания художественному произведению» [ЛЭС, с. 268] либо как «комического образа художественного произведения, стиля, жанра» [Новиков, 2019, с. 5]. Путем анализа синтаксических фактов в статье демонстрируется первостепенное значение метаязыковой установки для речевой организации пародии.

В качестве материала были использованы стихотворные пародии известного русского советского поэта-пародиста Александра Александровича Иванова (1936—1996), бессменного ведущего телепередачи «Вокруг смеха» (1978—1991). Как при жизни поэта, так и в наши дни мастерство пародиста подвергается критике. Так, например, Б. Сарнов упрекал А. А. Иванова в том, что его пародии являются «растянутыми эпиграммами» [Сарнов, 1987, с. 324], в пристрастии к эпиграфам, как бы отказывающим пародии в узнаваемости пародируемого [Там же, с. 302], в неумении «пародировать художественное мышление поэта» [Там же, с. 326] и т. д. Л. Д. Галкин считает, что «баланс между комикованием и морализаторством ему (А. А. Иванову. — К. С.) удавалось найти не всегда» [Галкин и др., 2016, с. 205]. Однако утверждается и другое: «Творчество А. А. Ивано-

ва — это, безусловно, большой этап развития пародии <...> в русской литературе XX века» [Волков, 2009, с. 198]. Стихотворные пародии А. А. Иванова представляют собой благодатный материал для исследования метаязыковой установки, в том числе на синтаксическом уровне реализации. Не случайно тот же Б. Сарнов отмечал, что «лучше всего удаются ему (А. А. Иванову. — К. С.) юмористические сочинения, в которых он высмеивает отдельные завихрения стиля, <...> слишком вольное (а то и просто малограмотное) обращение с языком» [Сарнов, 1987, с. 327]. А. В. Волков констатирует, что А. А. Иванов «создал целый микрожанр “пародии-ошибки”», «целиком построенный на гиперболизации авторских огрехов» [Волков, 2009, с. 194]. Необходимо отметить, что по отношению к синтаксису пародируемых стихотворений метаязыковая установка обычно возникала у А. А. Иванова не столько из-за ошибок, сколько из-за «нечувствия» тем или иным поэтом узусных тенденций синтаксического употребления.

Цель статьи — предложить общую характеристику метаязыковой установки с опорой на концепцию Д. Н. Узнадзе, выявить место метаязыковой установки в речевой структуре пародии как вторичного текста и описать некоторые реализации метаязыковой установки в синтаксисе стихотворных пародий А. А. Иванова.

Актуальность статьи заключается в том, что в ней определяется специфика метаязыковой установки как в общем плане, так и в ее реализации во вторичных текстах конкретного жанра — пародии, а также на конкретном уровне языка / речи — синтаксическом.

Научная новизна статьи состоит во включении идеи метаязыковой установки в общие представления о метаязыковом аспекте речевой деятельности, в уточнении речевой структуры пародии как вторичного текста благодаря метаязыковой установке, в реконструкции элементов творческой работы А. А. Иванова над синтаксисом как исходного (первичного), так и своего (вторичного) текста при создании стихотворной пародии. В связи с этим последним весьма интересно следующее признание А. А. Иванова, искренне сделанное в письме к Б. Сарнову: «Если Вы думаете, что не ищу, не пытаюсь, не бьюсь, то ошибаетесь. Хотя какая-то эксплуатация найденных приемов налицо: увы!» [ПВП, с. 296].

2. К общей теории метаязыковой установки

Согласно общепсихологической концепции Д. Н. Узнадзе, «в случае наличия какой-нибудь потребности и ситуации ее удовлетворения в субъекте возникает специфическое состояние, которое можно характеризовать как готовность его, как установку к совершенно определенной деятельности, направленной на удовлетворение актуальной потребности» [Узнадзе,

2014, с. 212]. Важно отметить, что для обозначения понятия «установка» Д. Н. Узнадзе создает в грузинском языке новое слово — «*ганцкоба*», в семантике которого выделяются такие компоненты, как «“настрой”, “направленность” или, точнее, “предуготованность”» [Имедадзе и др., 2014, с. 20—21]. Грузинская психологическая школа, развивая концепцию Д. Н. Узнадзе, утверждает, что «установка обуславливает деятельность, ибо содержит в себе ее изначальную “программу”, будучи содержанием ее операциональной структуры и основой ее целесообразности» [Шерозия, 1979, с. 51].

Метаязыковая установка существует постольку, поскольку в речевой деятельности говорящего / слушающего возникает потребность выразить свое представление об определенном языковом / речевом факте и / или свое отношение к нему, которая удовлетворяется за счет высказываний, описывающих и / или оценивающих этот языковой / речевой факт. Тем самым метаязыковая установка конституируется направленностью говорящего / слушающего на язык / речь и способностью языка служить средством отражения и означивания самого себя.

Д. Н. Узнадзе подчеркивал, что установка не отделяет субъекта речи от языка, так как «в структуре языка <...> всюду отражена установка, лежащая в его основе» [Узнадзе, 2001, с. 414]. В метаязыковой установке субъект речи выступает как присвоивший себе язык, овладевший его системой, нормой и образцами употребления: далеко не случайно то обстоятельство, что «первичное усвоение ребенком языка обеспечивается параллельным развитием метаязыковой функции» [Якобсон, 1996, с. 21]. Метаязыковая установка так же, как и собственно «языковая установка» [Узнадзе, 2001, с. 398], нарабатывает свои средства речевой объективации, причем с учетом их жанрово-стилистической специфики, и так или иначе отображается в языке. Однако метаязыковая установка, по сути дела, подчиняет себе языковую установку, на основе которой происходит отождествление того или иного языкового / речевого факта и определение его правильности / неправильности, приемлемости / неприемлемости и т. д., а также его включение в «диалектическую игру приемом» [Тынянов, 1977, с. 226].

По своей природе метаязыковая установка, призванная, привлекая внимание к конкретному явлению языка / речи, приводить к его осознанию, сама является в какой-то мере осознаваемой. В противовес этому Д. Н. Узнадзе утверждал, что «бессознательное не что иное, как установка субъекта» [Узнадзе, 2014, с. 221]. Это противоречие, однако, в какой-то мере «снимается» замечанием Д. Н. Узнадзе о том, что субъекту «благодаря воле <...> удастся <...> вызвать к жизни установку, найденную целесообразной» [Там же, с. 247]. В связи с этим существенен поставленный

Ф. В. Бассиным риторический вопрос: «<...> может ли волевое усилие, роль которого так подчеркивает Д. Н. Узнадзе, быть направленным на нечто неосознаваемое?» [Бассин, 1973, с. 47]. По-видимому, существование метаязыковой установки и, главное, «внутренние закономерности самой этой установки» [Шерозия, 1979, с. 20] свидетельствуют о том, что осознаемость установки как таковой вполне допустима.

Метаязыковая установка имеет двуединое предназначение: с одной стороны, метаязыковая установка обеспечивает фокусировку внимания на языковом / речевом факте, пробуждает рефлексию над ним, а также — при соблюдении надлежащих жанрово-стилистических условий — делает результат метаязыкового рефлексивного акта значимым для коммуникации, а с другой стороны, будучи культурно присвоенной и многократно актуализируемой (ср. об этом [Узнадзе, 2014, с. 247—248]), метаязыковая установка запечатлевается в принципах, операциях и средствах, способствующих ее речевой объективации, формируя механизм реализации метаязыковой функции. Под принципом здесь понимается общее условие воплощения метаязыковой установки, под операцией — процедура, способствующая решению той или иной частной речевой задачи, под средством — языковая единица определенного уровня (в частности, синтаксического) с учетом жанрово-стилистических условий ее употребления в речи.

Метаязыковая установка свойственна актам говорения / слушания и — тем более — письма / чтения, может получать речевое воплощение либо оставаться выраженной лишь в «языке» мысли, ее активность и характер реализации в разных речевых сферах обусловлены тем, насколько одаренной и / или развитой является языковая личность, в каких жанрах речи возникает метаязыковая установка, взаимодействует ли она с какой-либо иной установкой (в частности, с эстетической). Обычно контроль над своей речевой деятельностью, свойственный языковой личности, сам по себе приводит к появлению метаязыковой установки (точнее же, целого ряда метаязыковых установочных состояний). Однако гораздо чаще актуализация метаязыковой установки осуществляется на основе речевого стимула извне, то есть так, как это происходит в речевой пародии, в том числе литературной.

3. Пародия как вторичный текст и метаязыковая установка

В современной лингвистике теория вторичного текста получила мощный импульс развития (ср. особенно [Вербицкая, 2000; Нестерова и др., 2017]). Отмечая, что «вторичный текст <...> определяется категорией сходства / различия», М. В. Вербицкая называет «общее свойство всех вторичных текстов — их имитационность, стилистическую несамостоятель-

ность» [Вербицкая, 2000, с. 50, 53]. По точному наблюдению М. В. Вербицкой, «иногда его (вторичного текста. — К. С.) связь с протословом осуществляется только лингвистически, установить ее можно только по характеру словосочетаний, ритма, синтаксических построений и т. п.» [Там же, с. 50]. Н. М. Нестерова констатирует три уровня несамостоятельности вторичного текста по сравнению с первичным: смысловой, структурный и функциональный. Смысловая несамостоятельность вторичного текста обусловлена «отражением» в нем «информационной структуры первичного текста», структурная — наличием в нем языковых / речевых элементов первичного текста, функциональная — «заменой первичного текста в иной коммуникативной ситуации» [Нестерова и др., 2017, с. 58]. Пародия как особый речевой и литературный жанр является «идеальным» вторичным текстом, для которого характерна реализация метаязыковой установки как раз посредством речевых единиц (в частности, синтаксических), в той или иной мере наследуемых из первичного текста и тем самым несамостоятельных в смысловом, структурном, функциональном (Н. М. Нестерова) и, главное, в стилистическом (М. В. Вербицкая) плане.

Интересно, что именно вторично-текстовый характер пародии описывал Ю. Н. Тынянов, показавший, что в ней наряду с «планом произведения» и «планом <...> пародируемым» совершенно «обязательна невязка этих планов, смещение их» [Тынянов, 1977, с. 201]. Несколько редуцируя описание Ю. Н. Тынянова, Э. Блэк также заявляет, что пародия «в первую очередь эхоична (is pre-eminently echoic)» [Black, 2006, с. 119]. По сути дела, о вторично-текстовом характере пародии говорят и те, кто относит ее к литературной критике [Гроссман, 1930, с. 39—40], разъясняя, что «пародия вырастает из критики и продолжает ее средствами, заимствованными из арсенала самого критикуемого» [Морозов, 1960, с. 70]. Кроме того, вторично-текстовый характер пародии подтверждается (и утверждается) первостепенным эстетическим условием ее восприятия, согласно которому «без постоянного “узнавания” пародируемого — нет пародии» [Там же, с. 50]. Причем это «узнавание» обеспечивается в одном случае остротой памяти и начитанностью, а в другом — таким вспомогательным компонентом текста пародии, как эпиграф. Кстати сказать, А. А. Иванов, обычно писавший пародии на стихи малоизвестных поэтов и вынужденный поэтому прибегать к цитатной демонстрации пародируемого в позиции эпиграфа, в письме Б. Сарнову с сожалением заметил: «Конечно, я понимаю, что пародия, вытекающая из эпиграфа, — второго сорта» [ПВП, с. 296].

Вторичное текстообразование в сфере пародии связано с тем, что «пародист стремится осмеять стиль противника», для чего он демонстрирует

наиболее характерные приемы чуждого ему стиля. «Цель пародии — показать странность приема (“остранение”), нелепость его (на взгляд пародиста), неоправданность <...>» [Бегак, 1930, с. 54]. Снижающее переосмысление в пародии связано, по наблюдениям Ю. Н. Тынянова, с «механизацией словесного приема», «проведенной через повторение его» [Тынянов, 1977, с. 210]. Речевая организация пародии основана тем самым на «гиперболе приема» [Бегак, 1930, с. 61], нередко выражающейся, как, например, в стихотворных пародиях А. А. Иванова, в «нагромождении поэтических шаблонов» [Морозов, 1960, с. 73]. Важно отметить, что механизации в пародии подлежит лишь тот прием (шире — та речевая единица) первичного текста, который вызвал у пародиста метаязыковую установку, приведшую сначала к осмыслению и оценке этого приема, а затем — к его обыгрыванию и пародийному развенчанию во вторичном тексте — пародии. «Пародист зачастую отгалкивается от некоторой языковой (намеренной или ненамеренной) аномалии или необычности в пародируемом тексте, усиливая ее <...> Получается “аномалия в квадрате”» [Санников, 1999, с. 34]. Подобное отступление от нормы или от узуса становится стимулом, приводящим к актуализации метаязыковой установки, без которой неосуществимо как пародийное речевое мышление, так и создание пародии как вторичного текста.

Наиболее полная модель речевой структуры пародии, аргументированная в конце XX века [Rossen-Knill et al., 1997], включает четыре акта: «1) интенциональную ре-презентацию (sic! — *К. С.*) объекта пародии; 2) подчеркивание (flaunting) языковой репрезентации; 3) критический акт; 4) комический акт» [Там же, с. 719]. К достоинству этой модели речевой структуры пародии следует отнести ее процессуальность и ориентацию на особенности пародии как жанра, к недостатку — выключенность метаязыковой установки, без которой у пародиста нет и не может быть ни мотива на создание пародии, ни материала для нее — приема. Существенно, что метаязыковая установка не только «запускает» речевое пародирование, но и предопределяет осуществление всех актов, необходимых для речевой структуры пародии. Метаязыковая установка способствует рефлексивно-му, осознанному обращению с той речевой единицей, которая, будучи взятой из первичного текста, преобразуется в соответствии с целеполаганием пародии, становится в ней доминантой и отображает жанровые особенности пародии как вторичного текста. При том, что метаязыковая установка относится во многом к предречевой работе сознания, связанной с мотивационно-ориентировочной стороной речевой деятельности, необходимость включения метаязыковой установки в собственно речевую структуру пародии вызвана тем, что «рефлексивность ингерентна» для пародии «как

комической <...> трансформации другого текста и требуется самой ее формой (is demanded by the form itself)» [Hannosh, 1989, с. 113].

Основными принципами реализации метаязыковой установки в пародии являются аналогия и контраст. «Аналогия, — замечает Г. И. Лушникова, — предполагает повтор разноуровневых элементов пародируемого объекта. Контраст основан на видоизменении, трансформации или утрировании повторенного, что ведет к контрастной смене модальности с серьезной на шутливо, комически критикующую» [Лушникова, 2010, с. 29]. Представляется, что из этих принципов ведущим является аналогия, которую Э. Итконен справедливо назвал «всепроникающей способностью (a pervasive capacity) человеческого ума» [Itkonen, 2005, с. 218]. Аналогия, обеспечивая структурное и / или смысловое сходство (или близость) речевой единицы (например, синтаксической) в исходном тексте и в пародии, создает прием как таковой. Контраст же формируется за счет того, что Ю. Н. Тынянов назвал механизацией приема, и прежде всего за счет контекста. Кроме того, только аналогия, понятая как процесс (а именно это и происходит при смысловом восприятии пародии), рождает инференцию [Там же, с. 12], состоящую в данном случае в том, что в пародии за каждым приемом видится метаязыковое употребление речевой единицы и тем самым реализация метаязыковой установки, вызванной прототипом этой речевой единицы в исходном тексте.

Если принципы реализации метаязыковой установки в пародии, а именно: аналогия и контраст при ведущей роли аналогии — являются едиными при создании любого вторичного текста пародийного типа, то операции и средства (в том числе синтаксические), на основе которых осуществляется реализация метаязыковой установки в пародии, отличаются разнообразием, причем одна и та же операция может обслуживать употребление разных средств.

4. Реализации метаязыковой установки в синтаксисе стихотворных пародий А. А. Иванова

Б. Сарнов представил творческий подход А. А. Иванова к созданию пародии так: «Произвольно выдрал из живого тела стихотворения две-три строчки <...>, он разворачивает на этой основе самостоятельный юмористический сюжет» [Сарнов, 1987, с. 315—316]. Наблюдения показывают, что А. А. Иванов «выдирает» из первичного текста что-либо вовсе не «произвольно», а в соответствии с возникшей у него метаязыковой установкой, привлечшей его внимание к определенному синтаксическому явлению и побудившей его вычленить несколько «строчек», содержащих тот или иной синтаксический факт, а затем, поместив их в позицию эпи-

графа, создать вторичный текст (пародию), основанный на стилистически выделенном употреблении либо преобразовании конкретной синтаксической структуры. А. А. Иванов ставит метаязыковую установку, вызванную противоречием чужого синтаксического «почерка» своему чувству языка и собственным узусным ожиданиям, на службу эстетической функции, развертывая вторичный текст в сфере художественной речи и обращаясь с тем или иным синтаксическим построением не как с анонимным синтаксическим фактом, а как с приемом, уже обретшим эстетическую значимость в стихотворении-источнике, но по какой-то причине отвергаемым пародистом как языковой личностью. Перейдем к анализу четырех стихотворных пародий А. А. Иванова, в которых метаязыковая установка обусловила отбор (из первичного текста), а также употребление либо преобразование (во вторичном тексте) тех или иных синтаксических структур.

В пародии «Давай не говорить» [АИв, с. 209] А. А. Иванов обращается к стихотворению Марины Тарасовой. Ср. эпиграф:

*Давай не говорить о лете,
лоскутик памяти порви.
Сегодня нет со мной
на свете
ни колоска твоей любви.*

Повтор довольно необычных по своему лексическому наполнению генитивных словосочетаний способствовал актуализации метаязыковой установки А. А. Иванова, предоставив ему средство для такой синтаксической организации пародии, в которой подобные генитивные словосочетания использованы 12 раз. Ср. первые две строфы:

*Судьбы моей поникли перья,
любви загнулся колосок.
Порвалась ниточка доверья,
и выпал дружбы волосок.*

*Подохла в клетке птичка страсти,
котенок ласки не поет.
И щепочка бывшего счастья
В корыте памяти плывет.*

В пародии генитивные словосочетания не столько воспроизводятся (ср., однако: *колосок любви* как цитатное употребление), сколько заново

создаются пародистом благодаря такому лексико-грамматическому построению генитивного словосочетания, при котором позицию главного компонента занимает конкретное имя существительное, а позицию зависимого — абстрактное. Интересно, что словосочетания типа *птичка страсти, котенок ласки* были характерны для пародийного творчества символистов (ср. у Вл. Соловьева: *гуена подозренья, мыши тоски, слоны раздумья* и т. п. [Санников, 1999, с. 127]), то есть в данном случае А. А. Иванов прибегает к пародийному интертексту или — иначе — к пародийным реминисценциям. Ритмика и рифма стихотворной речи в пародии вызвала необходимость перемещения зависимого компонента в препозицию (ср.: *судьбы перья и ниточка доверья*).

Подобные генитивные словосочетания не ограничены выражением атрибутивных отношений, в них также реализуется семантическая «компаративная модель с имплицитно представленным признаком сравнения, где генитив называет субъект сравнения, а опорное слово <...> объект сравнения» [Ушакова, 2005, с. 14]. Имплицитность сравнения превращает генитивные словосочетания в потенциально предикативную структуру, но не способна препятствовать их пониманию как катахрезы. Семантическая непроясненность таких словосочетаний делает их легкой добычей пародиста. Итерация же их в пародии позволяет «сгустить» эффект манерности, велеречивости, желания вызвать сочувствие. Об этом прямо говорится в пародии, чем объективирован один из метапоэтических автоматизмов пародируемого автора:

*Ведь я нашла отличный способ
немножко выжимать слезу...*

Такой эпиграмматический «поворот», позволяющий «“открытым текстом” высказать <...> критику», не только привычен для пародистов [Новиков, 2019, с. 19], но и отражает их стремление выразить метаязыковую установку не через «диалектическую игру приемом» [Тынянов, 1977, с. 226], а непосредственно, путем развертки оценочных метаязыковых высказываний.

В этой пародии А. А. Иванова утрирование достигается не только за счет итерации модели генитивного словосочетания в разных лексических реализациях, но и благодаря семантике предикатного и атрибутивного окружения, связанной преимущественно с обозначением небытия и отрицания.

К операциям, участвующим в реализации метаязыковой установки, здесь следует отнести производство генитивных словосочетаний по мо-

дели (с учетом их лексико-грамматической структуры) и утрирование их лексического наполнения (напротив, в одном случае — цитацию), прямую метаязыковую оценку и итерацию.

Пародию «Ода всякой всячине» [АИВ, с. 147] А. А. Иванов написал стихотворение Новеллы Матвеевой «Трюизмы». Ср. эпиграф:

*«Все едино?» Нет, не все едино:
Пламя, например, отнюдь не льдина...*

*Все едино? Нет, не все едино:
Детский самокат не гильотина.*

*Все едино? Нет, не все едино.
Волк не голубь. Жаба не сардина.*

Метаязыковая установка А. А. Иванова была вызвана повтором разных реализаций модели бисубстантивного предложения с нулевой связкой и отрицанием, причем назойливость повтора усилена вопросно-ответным рефреном. Л. Д. Галкин считает, что «Иванов пеняет Матвеевой на то, что она, обращаясь к взрослому читателю, <...> немотивированно использует приемы детской поэзии» [Галкин и др., 2016, с. 205]. В пародии А. А. Иванова сохраняется рефрен, модель же бисубстантивного предложения с нулевой связкой и отрицанием реализована 19 раз, причем порою с неожиданным лексическим наполнением и чаще всего без разделения предложениями-высказываниями других типов в структуре текста. Ср. первую строфу:

*Все едино? Нет, не все едино:
Хорь не корь. Конец не середина.
Семга не сапог. Балет не драма.
Кобзев не Кобзон. Валет не дама.*

Пародия строится на основе нагромождения лексически все более и более нелепых реализаций модели бисубстантивных предложений с нулевой связкой и отрицанием, призванных выражать «отрицание тождества (“это совсем не то, что”))» [РГ, с. 280]. Понятно, что для того, чтобы установить отрицание тождества, необходимо сравнить один предмет с другим. Об этом А. А. Иванов сообщает посредством метаязыкового риторического вопроса как бы от лица пародируемого поэта, переходя тем самым к другому из средств эпиграммы. Ср.:

Что и с чем еще я не сравнила?

Пародия завершается своеобразным приговором поэту, осуществленным с помощью биинфинитивного предложения с нулевой связкой и отрицанием, также служащего для отрицания тождества [Там же, с. 313]: *Быть поэтом — не играть в бирюльки*. В данном случае аналогия найдена пародистом не столько в структуре, сколько в семантике моделей предложения, в их синонимике (ср.: *Поэзия не игра в бирюльки*).

Эту пародию А. А. Иванова иногда считают «неудачной» [Галкин и др., 2016, с. 204]. Действительно, приводя те или иные трюизмы (ср. название стихотворения Н. Матвеевой), то есть «общеизвестные, избитые истины» [ТСРЯ, с. 1005], поэт был волен облечь их в одну и ту же синтаксическую форму. Причем, наделяя эти синтаксически однотипные предложения пояснительно-иллюстративной функцией при рефрене, Н. Матвеева как бы подготавливает читателя к представлению своего нравственного кредо:

Потому что это «все едино»,
Значит — «все дозволено». И точка [НМ, с. 299].

Однако, эксплуатируя столь редкую в узусе модель предложения и порой не оправдывая узусных ожиданий от ее лексического наполнения (ср.: *Детский самокат не гильотина*), поэт создает условия для актуализации метаязыковой установки пародиста.

Среди операций, обеспечивающих реализацию метаязыковой установки, здесь необходимо отметить прежде всего производство бисубстантивных предложений с нулевой связкой и отрицанием по модели и утрирование их лексического наполнения, а также синонимiku, косвенное метаязыковое сообщение и итерацию.

Пародия «Если **б** да **кабы б**» [АИв, с. 162] написана А. А. Ивановым на стихотворение Анатолия Парпары. Ср. эпиграф:

*Когда **бы** Пушкин в то восстанье
на площади Сенатской был...*

*За ним рванулись дружно **б** роты,
за удаль Пушкина любя...
И долго **б** ликовал, трубя,
неопалимый дух свободы.*

Метаязыковую установку А. А. Иванову удалось вызвать благодаря насыщенности стихотворения частицей *бы* / *б* в полном и в сокращенном (за счет вокального элемента) употреблении. На это указывает название пародии: в отличие от закрепленного во фразеологии выражения *если бы да кабы* с семантикой «насмешки по поводу чего-нибудь неопределенного,

маловероятного» [ТСРЯ, с. 226] А. А. Иванов допускает девокализацию частицы *бы* перед соединительным союзом и повтор девокализованной частицы *б* после устаревшего ирреально-условного союза, в опрошенную основу которого также включена частица *бы*. В пародии А. А. Иванова частица *бы* / *б* употребляется 16 раз, причем только единожды в неусеченном виде. Ср. первую строфу:

*Будь с нами б Пушкин, бард свободы,
дух декабризма б не погиб.
За ним рванулись дружно б роты
и эскадроны б и полки б.*

Частица *бы* / *б* как аналитический показатель условной семантики, «придавая определенное модальное (гипотетическое в самом широком смысле слова) значение всему предложению», «определенным образом характеризует и то неглагольное слово, к которому она непосредственно приключена», в частности «выделяя и противопоставляя его» [Адмони, 1965, с. 226]. Об этом свидетельствует как пародия, так и исходное стихотворение (ср. эпиграф). Пародист, однако, не удовлетворяясь этим, меняет синтаксическое поведение частицы *бы* / *б*. Так, в условных бессоюзных сложных предложениях, где в первой части имеется «замороженная» форма глагола-сказуемого 2-го лица единственного числа императива, частица *бы* / *б* обычно размещается только во второй части. Ср. трансформ: *Будь с нами Пушкин, бард свободы, дух декабризма б не погиб*, где грамматический плеоназм (термин Ш. Балли) устранен. А. А. Иванов, сохраняя частицу во второй части, добавляет ее и в первую часть, выделяя косвенное дополнение. При присоединении однородных членов предложения посредством союза-частицы *и...и* каждый раз добавляется частица *б*. Все это обусловлено, с одной стороны, «ритмической организацией текста» стихотворной пародии, а с другой стороны, «потребностью отражения степени ирреальности передаваемого условной конструкцией содержания» [Сосновцева, 2017, с. 603].

Реализация метаязыковой установки обеспечивается здесь такими операциями, как грамматический плеоназм и итерация.

Пародия «На пути к себе» [АИв, с. 243—244] была вызвана стихотворением Вадима Шефнера. Ср. эпиграф:

*Говорят, что плохая примета
Самого себя видеть во сне.
Прошлой ночью за час до рассвета
На дороге я встретился мне.*

Метаязыковая установка А. А. Иванова приведена в действие совершенно нетипичной субъектно-объектной рамкой предиката, в которой как субъект, так и объект выражены личным местоимением 1-го лица единственного числа. Различие в падежных формах никак не способно преодолеть лексического (и референциального) тождества субъекта и объекта. Пародийное осмысление подобной субъектно-объектной рамки предиката дает основание для того, чтобы представить поэта как эгоцентрика, замкнутый только на себе. Ср. предпоследнюю строфу пародии:

*Я и я очарованы были,
Расставались уже как друзья.
Долго шляпы по воздуху плыли,
Долго я улыбался и я.*

В данном случае принцип аналогии действует не в структурном, а в чисто семантическом плане. Пародист отказывается от имитации и осуществляет преобразование синтаксической структуры, по сути дела, стилистический эксперимент. Исходя из того, что «способом передачи сходства является сочинительная связь» [Чеснокова, 1980, с. 96—97], А. А. Иванов строит, а затем повторяет сочинительную конструкцию, в которой два местоимения *я* связаны соединительным союзом. Это преобразование может быть уместно при таком условии, когда между этими *я* может быть обнаружено «не только подобие, но и различие» [Там же]. В общей теории сочинения отмечалось, что «сочинительной связи типа **he and he* (“он и он”) не может быть, так как различие между этими двумя компонентами не может быть выявлено» [Bhat, 2004, с. 94—95]. Однако в сочинительной конструкции типа *он и он* различие, а именно неодинаковую референциальную идентификацию, все же могут обеспечить разные анафорические связи компонентов (впрочем, в ущерб стилистике!). Для того чтобы в сочинительной конструкции *я и я* (при «чистом» дейкисе, что весьма существенно!) ощущалось различие между компонентами, читатель пародии вынужден учитывать ее юмористический сюжет как таковой.

Операциями, участвующими в реализации метаязыковой установки, здесь являются преобразование в сочинительную конструкцию и итерация.

Анализ стихотворных пародий А. А. Иванова с точки зрения того, как происходит реализация метаязыковой установки в их синтаксической организации, позволяет утверждать, что метаязыковая установка является неотъемлемой и во многом определяющей характеристикой пародии как литературного (и шире — речевого) жанра. При реализации метаязыковой установки в синтаксисе пародии достаточно четко дифференцируются

принципы, операции и средства. Показательно, что операцией, сопровождающей реализацию метаязыковой установки во всех четырех стихотворных пародиях А. А. Иванова, является итерация. По-видимому, это связано с необходимостью фокусировать внимание на том приеме, который актуализировал метаязыковую установку и был положен в основу речевой структуры пародии, обеспечивая «иронический разрез всего текста» [Гроссман, 1930, с. 48]. Однако итерация не специфична именно для синтаксического отображения метаязыковой установки в пародии. Напротив, в двух стихотворных пародиях задействованы такие связанные операции, как производство по модели и утрирование лексического наполнения, обусловленные реализацией именно синтаксических единиц в речи и жанровой «привязкой» их употребления к пародии. Важно также сказать о том, что для пародийной манеры А. А. Иванова характерны такие операции, как прямая метаязыковая оценка и косвенное метаязыковое сообщение, что объясняется тяготением пародиста к эпиграмме, а точнее — к эпиграмматическим «вкраплениям» в тексте стихотворной пародии.

Представляется, что метаязыковая установка, преломленная в синтаксисе пародии как вторичного текста, вносит момент осознания в пародийное текстообразование и в обращение пародиста как языковой личности с синтаксическими структурами, передающими те или иные смысловые отношения и ту или иную стилистическую информацию.

5. Заключение

Итак, по результатам теоретического анализа метаязыковой установки (в духе концепции Д. Н. Узнадзе), а также изучения роли метаязыковой установки в речевой структуре пародии и особенностей реализации метаязыковой установки в синтаксисе стихотворных пародий А. А. Иванова можно сформулировать следующие выводы.

1. Метаязыковая установка представляет собой обусловленную интеракцией субъекта речи и структуры языка готовность к удовлетворению потребности описать и / или оценить определенный факт языка / речи. Обычно актуализация метаязыковой установки происходит благодаря речевому стимулу извне (как, например, в пародии), в котором нарушаются те или иные конвенции современного узуса. Метаязыковая установка, связанная с регулированием наиболее сложной формы речевой деятельности, является осознаваемой. В художественной речи метаязыковая установка взаимодействует с эстетическим целеполаганием и жанровой рефлексией художника слова (в том числе пародиста) как языковой личности.

2. В речевой структуре пародии как вторичного текста метаязыковая установка выступает не только как ингерентная ее составляющая, но и как

«порождающее начало» [Имедадзе и др., 2014, с. 28], определяющее имитацию той или иной речевой единицы в пародии, придание этой имитации намеренно-демонстрационного характера, ее критику и комическое истолкование.

3. Синтаксическая реализация метаязыковой установки в пародии происходит на основе принципов, операций и средств. Важно отметить, что во многом благодаря вычленению операций, участвующих в реализации метаязыковой установки на синтаксическом уровне, можно определить, что именно в употреблении синтаксических средств идет от жанра пародии, а что — от языковой личности пародиста, обнаруживающей, например, стремление к пародийно-эпиграмматическому жанровому синкретизму.

Источники и принятые сокращения

1. АИв — *Иванов А. А.* Антология сатиры и юмора России XX века / А. А. Иванов. — Москва : Эксмо, 2006. — Том 46. — 304 с.
2. ЛЭС — *Литературный энциклопедический словарь* / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
3. НМ — *Матвеева Н. Н.* Избранное : стихотворения ; поэмы / Н. Н. Матвеева. — Москва : Художественная литература, 1986. — 535 с.
4. ПВП — *«Путем взаимной переписки»* : А. А. Иванов — Б. М. Сарнов // Иванов А. А. Антология сатиры и юмора России XX века. — Москва : Эксмо, 2006. — Том 46. — С. 285—300.
5. РГ — *Русская грамматика*. — Москва : Наука, 1980. — Том 2 : Синтаксис. — 709 с.
6. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. редактор Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2007. — 1175 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Дополнительные функции аналитических форм / В. Г. Адмони // Аналитические конструкции в языках различных типов. — Москва : Ленинград : Наука, 1965. — С. 222—232.
2. Бассин Ф. В. К проблеме осознаваемости психологических установок / Ф. В. Бассин // Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1973. — С. 45—51.
3. Бегак Б. Пародия и ее приемы / Б. Бегак // Русская литературная пародия. — Москва : Ленинград : Государственное издательство, 1930. — С. 51—65.
4. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка) / М. В. Вербицкая. — Москва : МГУ, 2000. — 221 с.
5. Волков А. В. Эпиграмматическая пародия А. Иванова: эволюция жанра в XX в. / А. В. Волков // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2009. — Том 66. — № 4. — С. 192—199.
6. Галкин Л. Д. Жанры стихотворной пародии и эпиграммы в творчестве А. Г. Архангельского и А. А. Иванова / Л. Д. Галкин, А. Э. Сковцов // Ученые записки Ка-

занского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2016. — Том 158. — № 1. — С. 199—207.

7. Гроссман Л. Пародия как жанр литературной критики / Л. Гроссман // Русская литературная пародия. — Москва : Ленинград : Государственное издательство, 1930. — С. 39—48.

8. Имедадзе И. Узнадзе : известный и неизвестный / И. Имедадзе, Р. Сакварелидзе // Узнадзе Д. Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни. — Москва : Смысл, 2014. — С. 10—28.

9. Лушникова Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Г. И. Лушникова. — Кемерово, 2010. — 44 с.

10. Морозов А. Пародия как литературный жанр (к теории пародии) / А. Морозов // Русская литература. — 1960. — № 1. — С. 48—77.

11. Нестерова Н. М. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов / Н. М. Нестерова, Ю. К. Попова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2017. — № 4. — С. 52—61.

12. Новиков В. И. Литературная пародия / В. И. Новиков. — Москва : МГУ, 2019. — 36 с.

13. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 544 с.

14. Сарнов Б. Бремя таланта : портреты и памфлеты / Б. Сарнов. — Москва : Советский писатель, 1987. — 384 с.

15. Сосновцева Е. Г. Удвоение частицы *бы* в условных конструкциях / Е. Г. Сосновцева // Acta Linguistica Petropolitana : труды института лингвистических исследований. — 2017. — Том 13. — № 3. — С. 590—605.

16. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 574 с.

17. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 416 с.

18. Узнадзе Д. Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни / Д. Н. Узнадзе. — Москва : Смысл, 2014. — 367 с.

19. Ушакова Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Ю. Ю. Ушакова. — Москва, 2005. — 44 с.

20. Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке / Л. Д. Чеснокова. — Москва : Просвещение, 1980. — 110 с.

21. Шерозия А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное : к обобщенной теории психологии / А. Е. Шерозия. — Тбилиси : Мецниереба, 1979. — 171 с.

22. Шумарина М. Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / М. Р. Шумарина. — Москва, 2011. — 47 с.

23. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное / Р. О. Якобсон. — Москва : Гнозис, 1996. — 248 с.

24. Bhat D. N. S. Conjunction and personal pronouns / D. N. S. Bhat // Coordinating constructions / M. Haspelmath (ed.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2004. — Pp. 89—105.

25. Black E. Pragmatic stylistics / E. Black. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. — 166 p.
26. Dentith S. Parody / S. Dentith. — London ; New York : Routledge, 2000. — 211 p.
27. Hannosh M. The reflexive function of parody / M. Hannosh // *Comparative Literature*. — 1989. — Vol. 41. — № 2. — Pp. 113—127.
28. Itkonen E. Analogy as structure and process. Approaches in linguistics, cognitive psychology and philosophy of science / E. Itkonen. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. — 249 p.
29. Rossen-Knill D. F. The pragmatics of verbal parody / D. F. Rossen-Knill, R. Henry // *Journal of Pragmatics*. — 1997. — Vol. 27. — № 6. — Pp. 719—752.

MATERIAL RESOURCES

- AIv — Ivanov, A. A. (2006). *Anthology of satire and humor of Russia of the XX century*, 46. Moscow: Eksmo. 304 p. (In Russ.).
- LES — Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (eds.). (1987). *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 752 p. (In Russ.).
- NM — Matveeva, N. N. (1986). *Favorites: poems; poems*. Moscow: Fiction. 535 p. (In Russ.).
- PVP — “By mutual correspondence”: A. A. Ivanov — B. M. Sarnov. (2006). In: Ivanov, A. A. *Anthology of satire and humor of Russia of the XX century*, 46. Moscow: Eksmo. 285—300. (In Russ.).
- RG — *Russian grammar*, 2. *Syntax* (1980). Moscow: Nauka. 709 p. (In Russ.).
- TSRYA — Shvedova, N. Yu. (ed.). (2007). *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words*. Moscow: Azbukovnik. 1175 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Admoni, V. G. (1965). Additional functions of analytic forms. In: *Analytical constructions in languages of various types*. Moscow: Leningrad: Science. 222—232. (In Russ.).
- Bassin, F. V. (1973). To the problem of awareness of psychological attitudes. In: *Psychological research dedicated to the 85th anniversary of the birth of D. N. Uznadze*. Tbilisi: Metsniereba. 45—51. (In Russ.).
- Begak, B. (1930). Parody and its methods. In: *Russian literary parody*. Moscow: Leningrad: State Publishing House. 51—65. (In Russ.).
- Bhat, D. N. S. (2004). Conjunction and personal pronouns. In: *Coordinating construction*. Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins. 89—105.
- Black, E. (2006). *Pragmatic stylistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 166 p.
- Chesnokova, L. D. (1980). *Connections of words in modern Russian language*. Moscow: Education. 110 p. (In Russ.).
- Dentith, S. (2000). *Parody*. London: New York: Routledge. 211 p.
- Galkin, L. D., Skvortsov, A. E. (2016). Genres of poetic parody and epigrams in the works of A. G. Arkhangelsky and A. A. Ivanov. *Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities*, 158(1): 199—207. (In Russ.).
- Grossman, L. (1930). Parody as a genre of literary criticism. In: *Russian literary parody*. Moscow: Leningrad: State Publishing House. 39—48. (In Russ.).
- Hannosh, M. (1989). *The reflexive function of parody*. *Comparative Literature*, 41(2): 113—127.

- Imedadze, I., Sakvarelidze, R. (2014). Uznadze: known and unknown. In: Uznadze, D. N. *Philosophy. Psychology. Pedagogy: the science of mental life*. Moscow: Smysl. 10—28. (In Russ.).
- Itkonen, E. (2005). Analogy as structure and process. Approaches in linguistics, cognitive psychology and philosophy of science. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 249 p.
- Jacobson, R. O. (1996). *Language and the unconscious*. Moscow: Gnosis. 248 p. (In Russ.).
- Lushnikova, G. I. (2010). *Cognitive and linguo-stylistic features of literary parody*: author's abstract of Doct. Diss. Kemerovo. 44 p. (In Russ.).
- Morozov, A. (1960). Parody as a literary genre (to the theory of parody). *Russian literature*, 1: 48—77. (In Russ.).
- Nesterova, N. M., Popova, Yu. K. (2017). On the problem of differentiation of primary and secondary texts. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy*, 4: 52—61. (In Russ.).
- Novikov, V. I. (2019). *Literary parody*. Moscow: Moscow State University. 36 p. (In Russ.).
- Rossen-Knill, D. F., Henry, R. (1997). The pragmatics of verbal parody. *Journal of Pragmatics*, 27(6): 719—752.
- Sannikov, V. Z. (1999). *Russian language in the mirror of the language game*. Moscow: Languages of Russian culture. 544 p. (In Russ.).
- Sarnov, B. (1987). *Burden of talent: portraits and pamphlets*. Moscow: Soviet writer. 384 p. (In Russ.).
- Sheroziya, A. E. (1979). *Psyche. Consciousness. The Unconscious: Toward a Generalized Theory of Psychology*. Tbilisi: Metsniereba. 171 p. (In Russ.).
- Shumarina, M. R. (2011). *Metalanguage reflection in folklore and literary text*: author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 47 p. (In Russ.).
- Sosnovtseva, E. G. (2017). Doubling a particle would be in conventional structures. *Acta Linguistica Petropolitana: proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 13(3): 590—605. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetics. Literary history. Cinema*. Moscow: Nauka. 574 p. (In Russ.).
- Ushakova, Yu. Yu. (2005). *Lexical filling and structural and semantic features of comparative tropes*: author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 44 p. (In Russ.).
- Uznadze, D. N. (2001). *Psychology of attitude*. St. Petersburg: Peter. 416 p. (In Russ.).
- Uznadze, D. N. (2014). *Philosophy. Psychology. Pedagogy: the science of mental life*. Moscow: Smysl. 367 p. (In Russ.).
- Verbitskaya, M. V. (2000). *Theory of secondary texts (based on the material of modern English)*. Moscow: Moscow State University. 221 p. (In Russ.).
- Volkov, A. V. (2009). Epigrammatic parody of A. Ivanov: the evolution of the genre in the XX century. *Bulletin of the Ural State University. Series 2: Humanities*, 66(4): 192—199. (In Russ.).